

Сущность государственного обвинения в правосудии

Т. В. Якушева¹, И. А. Анисимова², Л. Г. Суханова³, С. А. Горовой⁴

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹tamara.yakusheva@mail.ru, ²anisimovaia@bk.ru,

³lida.suxanova.89@mail.ru

⁴Прокуратура Алтайского края

Новосибирская 1а, 656922, Барнаул, Россия. E-mail: svyatoslav_gorovoy@inbox.ru

Статья посвящена комплексному анализу понятия государственного обвинения в системе уголовного судопроизводства Российской Федерации. Рассматриваются теоретические подходы к определению сущности государственного обвинения, его соотношение со смежными категориями – обвинением и уголовным преследованием. Анализируются нормативно-правовые основы института государственного обвинения, закрепленные в Конституции Российской Федерации, Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации и Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации». Выделены ключевые функции государственного обвинителя в судебном разбирательстве по уголовным делам. Приведены научные дискуссии о материально-правовом и процессуальном понимании обвинения. Особое внимание авторами обращается на совершенствование института отказа прокурора от обвинения. Отмечается, что на практике использование данного полномочия остается крайне редким, что обусловлено как сложившейся корпоративной культурой и статистической оценкой работы органов прокуратуры, так и отсутствием достаточных гарантий независимости прокурора при принятии решения об отказе. В этой связи предлагается нормативно закрепить ситуации, когда отказ от обвинения выступает не правом, а обязанностью прокурора при очевидной недоказанности обвинения, а также предусмотреть механизмы, исключающие негативные организационные последствия для прокурора, добросовестно реализовавшего такое полномочие. По мнению авторов, это будет способствовать реальному укреплению презумпции невиновности и снижению обвинительного уклона. Акцентируется внимание на недостаточном законодательном урегулировании участия группы государственных обвинителей, так как в практике все чаще встречаются случаи поддержания обвинения группой прокуроров по сложным и резонансным делам, однако законодатель и ведомственные акты не в полной мере определяют распределение ролей, ответственность за процессуальные решения и порядок согласования позиции. Сформулированы выводы о проблемах реализации функции государственного обвинения и предложены рекомендации по совершенствованию правового регулирования данного института.

Ключевые слова: государственное обвинение, прокурор, уголовное преследование, состязательность сторон, функция обвинения.

The Nature of State Prosecution in Administration of Justice

T. V. Yakusheva¹, I. A. Anisimova², L. G. Sukhanova³, S. A. Gorovoy⁴

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹tamara.yakusheva@mail.ru, ²anisimovaia@bk.ru,

³lida.suxanova.89@mail.ru

⁴Prosecutor's Office Altai Territory

1a Novosibirsk st., 656922, Barnaul, Russia. E-mail: svyatoslav_gorovoy@inbox.ru

The article provides a comprehensive analysis of the concept of public prosecution in the criminal justice system of the Russian Federation. It examines theoretical approaches to defining the essence of public prosecution and its relationship with related categories such as accusation and criminal prosecution. The article also analyzes the legal and regulatory foundations of the public prosecution institution, which are enshrined in the Constitution of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation." The article highlights the key functions of the public prosecutor in criminal proceedings. It also presents scientific discussions on the substantive and procedural understanding of the concept of prosecution. The authors pay special attention to the

improvement of the institution of the prosecutor's refusal to bring charges. It is noted that in practice, the use of this authority remains extremely rare, which is due to both the established corporate culture and the statistical assessment of the work of prosecutor's offices. In this connection, it is proposed to legislatively define the situations in which the withdrawal of charges constitutes not merely a right, but a duty of the prosecutor, specifically when the charges are manifestly unsubstantiated, and also to establish mechanisms that would preclude any adverse organizational consequences for a prosecutor who has acted in good faith when exercising such a power. According to the authors, this will serve to genuinely strengthen the presumption of innocence and to reduce prosecutorial bias. The focus is placed on the inadequate legal framework governing the participation of multiple state prosecutors. While the practice of having a team of prosecutors handle the prosecution in complex and high-profile cases is becoming increasingly common, neither the legislator nor departmental regulations sufficiently define the allocation of roles, the responsibility for procedural decisions, or the process for reaching a unified prosecutorial position. Conclusions are drawn concerning the challenges in the implementation of the state prosecution function, and recommendations are made for the improvement of the legal regulation of this legal institute.

Key words: public prosecution, prosecutor, criminal prosecution, adversarial system, function of the prosecution.

Государственное обвинение является одним из центральных институтов уголовного судопроизводства, обеспечивающим реализацию принципа состязательности сторон и справедливость уголовного судопроизводства. Именно посредством государственного обвинения государство реализует свою обязанность по уголовному преследованию лиц, совершивших преступления, и обеспечивает защиту прав потерпевших. Вместе с тем, несмотря на фундаментальное значение данного института, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации отсутствует легальная дефиниция понятия «государственное обвинение», что порождает научные дискуссии и практические затруднения [Пеканова 2020: 311].

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) в п. 22 ст. 5 определяет лишь понятие «обвинение» как утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК РФ. При этом понятие «государственное обвинение» в тексте Кодекса используется, но нигде не раскрывается, что является существенным пробелом в понятийном аппарате уголовно-процессуального права. Согласно п. 6 ст. 5 УПК РФ, государственный обвинитель определяется как поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры.

В науке уголовного процесса традиционно выделяются несколько подходов к пониманию обвинения. В соответствии с первым подходом обвинение рассматривается в материально-правовом смысле – как совокупность фактических обстоятельств, составляющих содержание обвинительного тезиса, который вменяется лицу. Так, Ф. Н. Фаткуллин подчеркивал именно материально-правовую природу обвинения, понимая под ним совокупность фактов, отражающих общественную опасность и противоправность деяния.

Второй подход акцентирует внимание на процессуальной стороне обвинения. З. З. Зинатуллин и Т. З. Зинатуллин рассматривали обвинение прежде всего как процессуальную деятельность, направленную на установление вины лица и обоснование его уголовной ответственности [Чигрин 2018: 28]. С этой точки зрения обвинение выступает не как статичное явление, а как динамический процесс, включающий формулирование, предъявление и доказывание обвинения.

Третий подход, представленный в работах ряда современных исследователей, предлагает рассматривать обвинение как единое целое, объединяющее как материально-правовой, так и процессуальный аспекты. Именно такой подход представляется наиболее обоснованным, поскольку он позволяет учитывать многогранность данного правового явления [Строгович 1951: 191].

Развивая его, представляется обоснованным рассматривать обвинение как сложную правовую категорию, включающую: содержательный элемент – совокупность фактических обстоятельств, подлежащих доказыванию; формально-юридический элемент – закрепление обвинительных тезисов в процессуальных документах (обвинительное заключение, обвинительный акт и др.), а также функциональный элемент – деятельность органов предварительного расследования и прокурора по формированию, предъявлению и поддержанию обвинения.

Такое понимание создает предпосылки для более точного разграничения «обвинения», «уголовного преследования» и «государственного обвинения», что имеет значение для правильного определения пределов полномочий различных участников процесса.

Известный советский ученый-процессуалист М. С. Строгович, характеризуя значение обвинения, называл его «движущей силой» уголовного процесса, подчеркивая, что без обвинения невозможно судебное разбирательство как таковое [Таболина 2024: 166]. Данная характеристика сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Д. М. Берова, развивая указанную идею, утверждает, что содержание функции обвинения «должно быть максимально широким», что она «пронизывает весь уголовный процесс, являясь его движущей силой, осуществляется на всех его стадиях» [Исаенко 2019: 185].

Позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в определении от 06.03.2003 № 104-О, также имеет ключевое значение: согласно ей, «выполнение функции обвинения заключается в возбуждении уголовного преследования, формулировании обвинения и отстаивании его в суде».

Применительно к понятию государственного обвинения в научной литературе сформировалось несколько определений. В. А. Лазарева понимает под государственным обвинением «сформулированное в процессе предварительного расследования на основе полученных доказательств и официально адресованное суду

утверждение о совершении обвиняемым конкретного уголовно наказуемого деяния с требованием о возложении на него уголовной ответственности» [Лазарева, Бадаев 2024: 8]. Данное определение акцентирует внимание на содержательной стороне государственного обвинения как акта.

Д. А. Чигрин определяет государственное обвинение как «содержащееся в утвержденном прокурором обвинительном заключении (акте, постановлении) утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом». Отличие обвинения в общем смысле от государственного обвинения, таким образом, заключается в его утверждении прокурором – «государственным» обвинение становится лишь в момент такого утверждения.

В. Н. Исаенко рассматривает государственное обвинение через призму уголовно-процессуальных функций, характеризуя его как «уголовное преследование в форме государственного обвинения, осуществляемого прокурором» [Лазарева 2025: 48]. Он подчеркивает, что данная деятельность существенно отличается по задачам, субъекту и условиям выполнения от обвинительной деятельности следователя и дознавателя на досудебных стадиях.

С учетом указанных подходов и комплексного понимания обвинения государственное обвинение целесообразно определить как утверждение о виновности лица в совершении преступления, сформулированное в установленной законом процессуальной форме и поддерживаемое прокурором в суде от имени государства в целях реализации публичного уголовного преследования при соблюдении принципов состязательности и равноправия сторон. Представляется целесообразным законодательно закрепить именно такое определение в ст. 5 УПК РФ, что будет способствовать единообразию правоприменения и усилению гарантий прав участников процесса.

Важнейшими правовыми основами института государственного обвинения выступают Конституция Российской Федерации, УПК РФ и Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». В ч. 3 ст. 123 Конституции РФ закреплён принцип состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве, который предполагает разделение функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела. В соответствии со ст. 15 УПК РФ функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Статья 37 УПК РФ определяет прокурора как должностное лицо, уполномоченное осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства.

Важное значение имеют и ведомственные акты Генеральной прокуратуры РФ, регламентирующие порядок участия прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства, распределение дел между государственными обвинителями, их взаимодействие с органами расследования и иными участниками процесса. Совокупность конституционных, уголовно-процессуальных и ведомственных норм образует нормативную модель государственного обвинения, в которой, однако, отсутствует исходное понятийное звено – легальная дефиниция самого института.

В соответствии с ч. 2 ст. 246 УПК РФ участие государственного обвинителя обязательно в судебном разбирательстве уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения. На досудебных стадиях уголовного процесса уголовное преследование осуществляется в форме предварительного расследования, а в судебных стадиях – в форме поддержания государственного обвинения. Таким образом, государственное обвинение представляет собой судебную форму реализации уголовного преследования.

Государственный обвинитель в судебном разбирательстве выполняет ряд ключевых функций.

Во-первых, он представляет суду доказательства виновности подсудимого, при этом бремя доказывания возлагается именно на сторону обвинения (ч. 1 ст. 14 и ч. 5 ст. 246 УПК РФ).

Во-вторых, государственный обвинитель участвует в исследовании доказательств: допрашивает свидетелей, представляет вещественные доказательства, заявляет ходатайства (ч. 5 ст. 246 УПК РФ).

В-третьих, прокурор высказывает суду свое мнение по вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, и выступает в судебных прениях с обвинительной речью (ч. 5 ст. 246 УПК РФ).

В-четвертых, государственный обвинитель вправе изменить обвинение в сторону смягчения или отказаться от обвинения полностью или в части, если придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное обвинение (ч. 7 ст. 246 УПК РФ).

К. А. Таболина в своем исследовании обращает внимание на двойственность функций прокурора в судебном производстве: помимо уголовно-процессуальной функции обвинения, прокурор выполняет и конституционно-правовую функцию надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов [Фаткуллин, Зинатуллин, Аврах 1976: 113]. Именно эта двойственность снимает ложную дифференциацию между «обвинителем» и «надзорным органом»: прокурор не может быть исключительно обвинителем, поскольку обязан реагировать на любые нарушения прав и законных интересов участников процесса, в том числе допущенные органами предварительного расследования или судом. Отсюда вытекает и качественно иное понимание государственного обвинения: оно должно осуществляться не в виде одностороннего отстаивания версии обвинения, а в обеспечении законного и обоснованного судебного решения, что предполагает готовность прокурора смягчать обвинение или отказываться от него при отсутствии достаточных доказательств. В этом смысле конституционно-правовая функция надзора выступает системным ограничителем возможного обвинительного уклона и одновременно усиливает гарантийный потенциал института государственного обвинения.

В условиях цифровизации уголовного судопроизводства существенно трансформируется содержание полномочий государственного обвинителя: расширяется перечень электронных доказательств, используются системы видео-конференц-связи, формируется цифровой профиль уголовного дела. Это требует от прокурора новых компетенций в сфере обращения с цифровыми носителями информации, оценки их допустимости и достоверности.

Анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024 год позволяет выявить ряд устойчивых тенденций в сфере государственного обвинения. В первую очередь, можно заметить, что продолжает сокращаться общее число уголовных дел, поступающих в суды первой инстанции. В 2024 году в суды поступило 651,3 тыс. уголовных дел, что на 9,6% меньше, чем в 2023 году (720,6 тыс.). Кроме того, сохраняется высокая доля обвинительных приговоров. В 2024 году обвинительные приговоры были вынесены в отношении 78,69% подсудимых (512 845 осужденных), тогда как десятью годами ранее этот показатель составлял 74,06% (РИА Новости 2025: URL).

И наконец, процент оправдательных приговоров остается крайне низким. В 2024 году было оправдано лишь 990 человек, что составляет приблизительно 0,26% от общего числа подсудимых (Адвокатская газета 2025: URL). При этом суды присяжных вынесли 290 оправдательных вердиктов из 1219 рассмотренных дел, то есть оправдали почти каждого четвертого подсудимого.

Представленные данные свидетельствуют о наличии выраженного обвинительного уклона в российском уголовном судопроизводстве. Крайне низкий процент оправдательных приговоров в сочетании с высокой долей осужденных ставит под сомнение полноценную реализацию принципа состязательности сторон. Показательным является контраст между процентом оправданий в обычном порядке (менее 0,3%) и в суде присяжных (около 24%), что, по мнению ряда авторов, например, Д. А. Чигрина, косвенно свидетельствует о недостаточной подготовке дел государственными обвинителями и о формальном подходе судей к оценке доказательств обвинения.

Таким образом, среди проблем реализации института государственного обвинения следует выделить несколько ключевых.

Во-первых, отсутствие легальной дефиниции «государственное обвинение» в УПК РФ является существенным пробелом нормативно-правовой базы. Отсутствие закрепленного определения затрудняет единообразное понимание данного института и создает сложности в правоприменительной практике.

Во-вторых, значительная загруженность работников прокуратуры не всегда позволяет им надлежащим образом подготовиться к судебному заседанию и в полном объеме изучить материалы уголовного дела, что сказывается на качестве поддержания обвинения в суде.

В-третьих, проблема процессуального неравенства сторон обвинения и защиты. Прокуроры, обладая значительными процессуальными возможностями и ресурсами, нередко находятся в более выгодном положении по сравнению со стороной защиты, что ставит под угрозу принцип равноправия сторон.

В-четвертых, существующая практика возврата дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, по мнению ряда исследователей, не в полной мере соответствует принципам состязательности, поскольку лишает обвиняемого возможности прекращения дела в связи с ошибками стороны обвинения.

В-пятых, имеются определенные сложности в реализации права прокурора на отказ от обвинения. Несмотря на наличие соответствующих полномочий, фактическая частота полного или частичного отказа от обвинения остается крайне низкой, что связывают с корпоративной культурой, статистическими показателями «качества работы» и отсутствием достаточных гарантий независимости прокурора при принятии такого решения [Пеканова 2020: 310].

В-шестых, это недостаточное урегулирование участия группы государственных обвинителей. В практике все чаще встречаются случаи поддержания обвинения группой прокуроров по сложным и резонансным делам, однако законодатель и ведомственные акты не в полной мере определяют распределение ролей, ответственность за процессуальные решения и порядок согласования позиции.

В-седьмых, вызовы цифровизации уголовного судопроизводства требуют от прокурора обладания новой доказательственной культурой и владения цифровыми технологиями, при этом нормативная база еще не полностью адаптирована к таким изменениям. В этой связи необходимо нормативно закрепить детальные правила обращения с электронными носителями информации, их представления, исследования и оценки в суде, а также обеспечить системное обучение государственных обвинителей навыкам работы в цифровой среде.

Направления совершенствования правового регулирования и практики государственного обвинения могут быть определены как комплекс взаимосвязанных мер, направленных на устранение выявленных пробелов и повышение качества реализации функции обвинения в условиях современного уголовного процесса. Прежде всего, ключевым шагом представляется законодательное закрепление легальной дефиниции государственного обвинения в ст. 5 УПК РФ. Введение нормативного определения позволит сформировать единый понятийный комплекс для последующей регламентации статуса государственного обвинителя, его полномочий и пределов вмешательства в сферу прав и свобод личности, а также обеспечит более предсказуемое правоприменение и облегчит судебный контроль за надлежащим исполнением функции обвинения.

Не менее важным направлением является развитие ведомственного регулирования участия прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства. Действующие акты нуждаются в дополнении конкретными стандартами подготовки к судебному разбирательству, критериями достаточности доказательств для поддержания обвинения, детализацией требований к структуре и содержанию обвинительной речи, а также правилами документирования мотивов изменения или отказа от обвинения. Формирование таких стандартов призвано не только повысить качество обвинительной деятельности, но и придать ей большую прозрачность, создавая условия для внешнего контроля и научного анализа практики.

Особого внимания требует совершенствование института отказа прокурора от обвинения. На практике использование данного полномочия остается крайне редким, что обусловлено как сложившейся корпоративной культурой и статистической оценкой работы органов прокуратуры, так и отсутствием достаточных гарантий

независимости прокурора при принятии решения об отказе. В этой связи целесообразно нормативно закрепить ситуации, когда отказ от обвинения выступает не правом, а обязанностью прокурора при очевидной недоказанности обвинения, а также предусмотреть механизмы, исключающие негативные организационные последствия для прокурора, добросовестно реализовавшего такое полномочие. Это будет способствовать реальному укреплению презумпции невиновности и снижению обвинительного уклона. Важным здесь является и закрепление в процессуальном законе права потерпевшего самостоятельно поддерживать обвинение в случае несогласия с позицией государственного обвинителя об отказе от поддержания обвинения.

Отдельного регулирования требует участие группы государственных обвинителей по сложным и многоэпизодным делам. В настоящее время формирование таких групп носит преимущественно организационный характер и не обеспечено достаточной нормативной детализацией. Представляется необходимым определить основания создания группы прокуроров, разграничить их процессуальные роли (ведущий обвинитель, ответственные за отдельные эпизоды или блоки доказательств), закрепить порядок согласования общей позиции и правила распределения ответственности за принимаемые процессуальные решения. Четкая регламентация участия группы государственных обвинителей позволит обеспечить согласованность обвинительной стратегии, повысить качество работы по сложным делам и одновременно минимизировать риск размытия персональной ответственности.

Таким образом, государственное обвинение представляет собой сложную правовую категорию, которая может быть определена как утверждение о виновности лица в совершении преступления, сформулированное органом расследования и поддерживаемое прокурором в суде от имени государства. Данный институт является необходимым элементом состязательного уголовного процесса, и от качества его реализации зависит эффективность уголовного судопроизводства в целом. Совершенствование правового регулирования и практики поддержания государственного обвинения остается одной из актуальных задач российской уголовно-процессуальной науки и законотворческой деятельности.

Список источников

- Верховный суд России раскрыл число оправдательных приговоров в 2024 году [Электронный ресурс] / РИА Новости. – 2025. – 17 апр. – URL: <https://ria.ru/20250417/sud-2011925793.html> (дата обращения: 01.03.2026).
- Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) / СПС «КонсультантПлюс».
- О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2024) [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.03.2026).
- Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году [Электронный ресурс] / Судебный департамент при Верховном Суде РФ. – URL: <https://cdep.ru/> (дата обращения: 01.03.2026).
- Определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 104-О/Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://base.garant.ru/5124797/> (дата обращения: 01.03.2026).
- Снизилось общее число уголовных дел, поступающих в суды различных инстанций [Электронный ресурс] / «Адвокатская газета». – 2025. – URL: <https://www.advgazeta.ru/> (дата обращения: 01.03.2026).

Литература

- Берова Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011.
- Исаенко В. Н. Государственное обвинение в системе уголовно-процессуальных функций / Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 1 (98). – С. 183–193.
- Лазарева В. А. Участие прокурора в уголовном процессе: учебник и практикум для вузов. – 5-е изд., перераб. и доп. М., 2025.
- Лазарева В. А., Бадаев С. А. Проблемы отказа государственного обвинителя от обвинения и пути их преодоления / Юридический аналитический журнал. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 7–14. DOI: 10.18287/1810-4088-2024-19-1-7-14.
- Пеканова Е. Э. Понятие государственного обвинения и его значение в состязательном уголовном процессе / Молодой ученый. – 2020. – № 18 (308). – С. 309–312. URL: <https://moluch.ru/archive/308/69493>.
- Ротнова И. Б. Сущность и принципы государственного обвинения в уголовном процессе / Российский журнал правовых исследований. – 2017. – Т. 4. – № 2. – С. 163–167.
- Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951.
- Таболина К. А. О функциях прокурора в судебном производстве по уголовным делам / Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 1 (113). – С. 165–171.
- Фаткуллин Ф. Н., Зинатуллин З. З., Аврах Я. С. Обвинение и защита по уголовным делам. Казань, 1976.
- Чигрин Д. А. Государственное обвинение в российском уголовном процессе: проблемы формирования и поддержания (сравнительно-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2018.

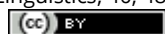
References

- Berova, D. M. (2011). "Fundamentals of the Theory of Functionalism in Criminal Proceedings": Abstract of a Doctor of Law Dissertation. Rostov-on-Don (in Russian).
- Isaenko, V. N. (2019). "State Prosecution in the System of Criminal Procedural Functions". *Current Issues of Russian Law*, 1 (98), 183-193 (in Russian).
- Lazareva, V. A. (2025). *The Prosecutor's Participation in Criminal Proceedings: A Textbook and Workshop for Universities*. – 5th ed., revised and expanded. Moscow (in Russian).
- Lazareva, V. A., Badaev, S. A. (2024). Problems of a Public Prosecutor's Withdrawal of Charges and Ways to Overcome Them. *Legal Analytical Journal*, 19, 1, 7–14. DOI: 10.18287/1810-4088-2024-19-1-7-14 (in Russian).
- Pekanova, E. E. (2020). The Concept of Public Prosecution and Its Importance in Adversarial Criminal Proceedings. *Young Scientist*, 18 (308), 309-312. Available from: <https://moluch.ru/archive/308/69493> (in Russian).
- Rotnova, I. B. (2017). The Essence and Principles of Public Prosecution in Criminal Proceedings. *Russian Journal of Legal Research*, 4, 2, 163-167 (in Russian).
- Strogovich, M. S. (1951). *Criminal Prosecution in Soviet Criminal Procedure*. Moscow (in Russian).
- Tabolina, K. A. (2024). On the Functions of the Prosecutor in Criminal Proceedings. *Bulletin of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 1 (113), 165–171 (in Russian).
- Fatkullin, F. N., Zinatullin, Z. Z., Avrakh, Ya. S. (1976). *Prosecution and Defense in Criminal Cases*. Kazan (in Russian).
- Chigrin, D. A. (2018). State prosecution in Russian criminal proceedings: problems of formation and maintenance (comparative legal study): Abstract of Cand. of Law Dissertation. Ufa (in Russian).

Citation:

Якушева Т. В., Анисимова И. А., Суханова Л. Г., Горовой С. А. Сущность государственного обвинения в правосудии // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 48-53.

Yakusheva T. V., Anisimova I. A., Sukhanova L. G., Gorovoy S. A. (2026) The Nature of State Prosecution in Administration of Justice. *Legal Linguistics*, 40, 48-53.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
